

Людмила Волок СЕКС, ЛЮБОВЬ И ОДИНОЧЕСТВО

Глава 1

— Любовь — бо-о-о-ольшое заблуждение. Победа чувств над разумом, как говорится. Ложные надежды. Вот встречаешь вроде бы подходящего человека, у тебя бабочки в животе и все такое. И ты надеешься, что этот человек будет любить тебя всю жизнь. Но проходит несколько лет, наполненных бытом, детьми и прочими родственниками, и ты замечаешь, как этот же человек (да-да!) тебя ненавидит. Ну, или почти ненавидит. Но уж точно не любит. По крайней мере, не любит так, как тебе мечталось в самом начале вашего безмятежного (или крышесносного, тоже ничего) романа. Так что никакая любовь мне больше не нужна. Нет-нет. И даже не пытайтесь меня с кем-то там знакомить! — я отрицательно мотала головой, решительно и энергично, словно запутавшаяся в удилах лошадь.

Наверное, это именно так и выглядело со стороны. У нас с подругами был очередной девичник, и романтическая Василиса, по обыкновению, подняла тост «за любовь». А я начала спорить — тоже по обыкновению. Я в нашей

компании — основной антагонист.

Девчонки слушают мои разглагольствования терпеливо и не перебивая. Словно я на смертном одре, и законы человеколюбия заставляют их внимать всей чуши, которую я несу.

В каком-то смысле так и есть. К счастью, на смертном одре не я, а всего лишь мой брак, но они все равно мне сочувствуют. И это хорошо: принимать от друзей сочувствие приятно. Это лечит, а не унижает.

Подруги — давние, верные, любимые, почти сестры. Мы дружим уже больше двадцати лет, и наша дружба — одна из тех вещей, которыми я особенно дорожу. Настоящие подруги — это еще лучше, чем настоящий муж. Тем более что мужа у меня теперь нет.

Правда, мужа нет уже несколько лет. Вернее, восемь. Я уже давно пришла в себя после его внезапного ухода, но девчонки (хотя какие девчонки — подруженицы мои давно уже взрослые тетеньки) все еще жалеют меня, по-прежнему называя Лёлика «гадом», «подлецом» и «мерзавцем».

Лёлик (то есть Алексей), конечно, повел себя подло, уходя от меня. Точнее, от меня и двух наших детей.

Тогда он просто собрал вещи и ушел.

Еще накануне ничто, как говорится, не

предвещало. И не только накануне, но и все десять лет нашей совместной жизни, вполне безоблачной и спокойной, а временами даже романтической.

А в тот день я вернулась с работы, забрав по дороге Маньку с Ванькой из сада, и столкнулась в дверях с Лёликом. Он выглядел словно забравшийся в чужой дом вор, который внезапно узнал на портрете хозяина дома своего лучшего друга детства.

— Лёлик? Ты уже дома? — удивилась я. Обычно он не появлялся раньше восьми. — Или еще...? — я перевела взгляд на два чемодана и большой рюкзак, которые стояли в передней.

— Вика, я ухожу, — брякнул мой муж, не обращая внимания на детей.

— Куда? — даже тогда до меня все еще не дошло, что он уходит не «куда», а «откуда».

— Ухожу, Вика, ухожу, — бормотал он, опустив бегающий взгляд вниз.

Внезапно мне стало жарко, лоб покрылся испариной, и я провела по нему ладонью. Ладонь была влажной, и я вытерла ее о пальто.

— Мам, — потянула меня за рукав Маша. — Я есть хочу.

Ваня, который до этого с молчаливым интересом разглядывал папин рюкзак, внезапно оседлал его и принялся прыгать.

— Что ты делаешь? — завопил Лёлик. — Все

вещи раздолбаешь!

Ванька тут же перестал прыгать:

— Как это? Что значит... разбалдоешь?

В другое время я бы рассмеялась. Но сейчас строго посмотрела на детей и сказала:

— Идите в свою комнату, я сейчас.

Они притихли и послушно начали снимать обувь. Неслыханное дело! Мои дети — и безропотно выполнили команду. С первого раза. Ох, не к добру... Видно, они почувствовали близость печальных перемен.

Я повернулась к Лёлику:

— Может, поговорим?

— Не о чем говорить, — трусливо возразил Лёлик. — Я просто устал, поэтому ухожу. Я позвоню.

И опрометью бросился вниз по лестнице, волоча за собой свои пожитки. Наверное, думал, что я начну его задерживать, падать на колени, заламывать руки, устрою безобразную сцену перед соседями... Чего-чего, а сцен на публике Лёлик боялся больше всего. Однако это хрестоматийное: «Я устал, я ухожу» повергло меня на несколько секунд в ступор, и момент был упущен.

Меня весь вечер лихорадило, пока я кормила детей, мыла их и укладывала спать. Лишь после этого начала звонить Лёлику, но он отключил телефон. Потом я набрала номер свекрови:

— Таисия Николаевна, Лёлик у вас?

— Нет... С ним что-то случилось? — встревоженно спросила она. Почему сразу — с ним? Почему не со мной или с детьми? Или вообще приближается катастрофа планетарного масштаба — например, в Землю скоро врежется метеорит? А у Таисии Николаевны всегда лишь одна тревога: как бы чего не случилось с ее драгоценным Лёликом. Между прочим, это она дала ему такое имечко. Мужу уже тридцать семь, а все вокруг: «Лёлик, Лёлик». Ну да ладно. Мне было не до поисков истоков Лёликовых инфантильности и эгоизма.

— Все с ним в порядке. Просто он ушёл от нас. Без объяснения причин. Вдруг вы что-нибудь об этом знаете.

— Ушёл?! — свекровь удивленно взвизгнула, но дальше произнесла странное: — Говорила я ему: не делай этого, не делай, двое детей...

— Вы знали?! — меня словно громом поразило. — И ничего мне не сказали? Вы знали, что он собирается уйти? У него другая женщина?!

Я заплакала — помимо своей воли. Мне не хотелось плакать перед свекровью, демонстрируя слабость и уязвимость. Но я ничего не могла с собой поделать. Наконец стало ясно, что я теперь одна буду справляться с парочкой шестилетних близнецов. Оставалась надежда, что Лёлик сможет

выплачивать хоть какие-то алименты со своей жалкой зарплаты. Но алименты и реальный отец, муж со всей зарплатой — не одно и то же.

— Викуся, прости меня, — свекровь внезапно тоже заплакала.

Мои слезы моментально высохли — от удивления. Свекровь в кои-то веки на моей стороне?! А она, всхлипывая время от времени, продолжала:

— Я пыталась его остановить. Уговаривала. Там какая-то девица на работе завелась...

— Давно? — бесцеремонно перебила я ее и уточнила: — Девица завелась давно? Полгода где-то?

— Да, — подтвердила Таисия Николаевна. — Как ты поняла?

Это вычислить было легко: просто сложить два и два. Как раз месяцев шесть назад у нас начались проблемы с сексом. То есть, с его отсутствием. Дети как раз подросли настолько, что начали давать мне высыпаться ночами, и я, наконец, снова могла наслаждаться близостью с мужем не от случая к случаю, а регулярно. Но не тут-то было: у Лёлика все никак не складывалось с этой самой близостью. То у него голова болела, то поздние совещания, то просто уставал — его как раз назначили заведующим отделом, и было очень много дел на работе.

Короче, последние полгода у нас секса не было.

Но не говорить же об этом свекрови!

— Жена всегда понимает, — мудро изрекла я.

Таисия Николаевна с уважением помолчала.

Потом снова начала причитать:

— Викуся, я все сделаю, чтобы он вернулся! Я же своих внучков дорогих обожаю. Как же я без них? Как?

— Таисия Николаевна, никто ваших внучков не отбирает, — устало объяснила я. — Они все равно останутся вашими родными. Хоть с Лёликом, хоть без него.

— А ты будешь отдавать их мне на дачу? И на выходные дважды в месяц? — тут же деловито поинтересовалась, торгуясь, Таисия Николаевна. Вот она, крепкая закалка заведующей советской овощной базой!

— Конечно, буду, — успокоила я свекровь. — Но Лёлика, пожалуйста, не прессуйте. Если он не хочет жить с нами — то никакая сила не заставит. Да и зачем мне такая любовь — из-под палки. Пусть наслаждается новой жизнью, — горько подытожила я.

Лёлик не вернулся. Я страдала, потому что за десять лет привыкла к нему. Мы были нормальной семьей — может, не идеальной, но все же неплохо ладили друг с другом. Если бы не призрак

постоянно маячившей на заднем семейном плане Таисии Николаевны, всё вообще было бы замечательно... Теперь же мне было очень жалко детей — они не понимали, в чем провинились, ходили притихшие и какие-то сразу повзрослевшие. И хотя я миллион раз повторяла, что нет никакой их вины в том, что папа ушел жить отдельно, — они все равно не верили. Но нет худа без добра: дети стали гораздо послушнее, чем раньше. Наверное, на всякий случай решили вести себя хорошо, чтобы еще и мама не ушла.

Все равно, я выбивалась из сил, воспитывая близнецов в одиночку. Лёлик появлялся нечасто: гулял с ними пару часов по воскресеньям, да и все. Остальное — болезни, капризы, обучение, развлечения и прочая, и прочая — все легло на мои плечи. Родители мои жили в другом городе, а свекровь не помогала нести мне тяготы быта — приходя в гости, в основном только портила жизнь бесконечными разговорами о своем Лёлике.

Со временем она безжалостно переключилась на разговоры «о Лёлике и Дианочке». Дианочкой, гори она синим пламенем, звали Лёликову девицу, к которой он ушёл. Дианочка, по словам свекрови, Лёлика обожала, буквально смотрела ему в рот в ожидании крупicc мудрости, а её саму (то есть свекровь) вообще боготворила. Все эти слащавые подробности свекровь не просто вываливала на

мою несчастную голову. Она еще и поглядывала при этом с укоризной: я ведь не была ни идеальной женой, ни идеальной невесткой (в её представлении).

Я вообще всегда сомневалась, что кто-то сможет соответствовать высоким требованиям Таисии Николаевны. С самого детства свекровь с Лёликом были очень близки — его отец рано умер, и они остались вдвоем. Эта близость не ослабевала по мере взросления Лёлика, а только крепла с каждым годом, превращаясь в глубокую привязанность на грани патологии. Иногда мне казалось, что этим двоим вообще никто не нужен, а жену они завели только ради секса с Лёликом. Вот бывает суррогатная мать — это если пара сама ребеночка родить не может. А я была суррогатной женой... Но поняла я это только после расставания с мужем, проанализировав наши неоднозначные отношения.

Дианочка, очевидно, постигла нюансы жизни в этой семье лучше, чем я, и не пыталась встать между матерью и сыном. Но, слушая эти рассказы бывшей свекрови, я страдала.

Однажды Лёлик внезапно заявился ко мне на работу и сообщил, что отныне будет давать денег в два раза больше — ему повысили оклад и даже вручили внеплановый бонус, выдали премию за ударный труд. Неожиданно я расплакалась. Ему

стало меня жалко, и он как-то неловко обнял меня за плечи. От этого я разревелась пуще прежнего, пришлось выйти в коридор, а то сотрудники и так уже пялились на меня во все глаза.

Там я прислонилась к ненадежному Лёликовому плечу и дала волю эмоциям.

— Лёлик, я давно хотела тебя спросить... — начала я, высморкавшись в услужливо протянутую бывшим мужем бумажную салфетку. — Вот признайся честно: когда именно ты меня разлюбил?

— Наверное, еще когда ты беременная была, — простодушно ответил он. — Ты тогда так растолстела — ужас.

От обиды слезы снова полились ручьем:

— Как можно?! Я ведь носила твоих малышей!

— Ну да... Однако секс — это совсем другое, понимаешь... Я же не виноват, что ты меня возбуждать перестала...

— А что ж ты, гад, терпел столько лет? — я начала заводиться.

— Ну... дети маленькие... все время заботы какие-то... денег нет... А тут — работа у меня новая, повышение...

Он рассказывал мне все это, словно сестре, а не брошенной и униженной жене. У меня больше не было сил злиться.

— Ты зачем тогда столько детей настрогал?